

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50

УДК: 172.3.930.82-7

ВСЕГДА ЛИ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ», ИЛИ МИФЫ И РЕАЛИИ СИБИРСКОЙ «НОВОЙ АТЛАНТИДЫ»¹

Статья вторая: реалии*

Водичев Евгений Григорьевич,

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник Института нефтегазовой геологии

и геофизики СО РАН им. А.А. Трофимука,

Россия, 630090, Новосибирск, пр. Коптюга, 3;

профессор кафедры международных отношений

и регионоведения Новосибирского государственного

технического университета,

Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20;

профессор кафедры современной отечественной истории

Национального исследовательского

Томского государственного университета,

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

ORCID: 0000-0001-8266-1723

VodichevEG@ipgg.sbras.ru

Аннотация

В цикле из двух статей дан сравнительный анализ повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», представленной как литературная утопия, и извлеченных из историографического массива мифологем о новосибирском Академгородке, считающемся одним из прототипов литературного НИИЧАВО, несмотря на то что это никогда не подтверждалось авторами. Цель этой работы заключается в том, чтобы на конкретном материале показать социальный смысл, природу и содержание ряда популярных до настоящего времени мифов об истории новосибирского Академгородка, которые позволяют интерпретировать «город науки» как социальную уто-

¹ Автор выражает глубокую признательность Е.А. Жимулёвой за помощь в текстологическом анализе повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», а также С.П. Исакову за высказанные рекомендации при подготовке этой статьи.

* Статью 1 см.: Водичев Е.Г. «Всегда ли понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая. Мифы // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 9–26. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26.

пию, выявить параллели между имиджем науки и образом ученых в историографии и литературной утопии, а также установить, насколько мифологизированный образ Академгородка соотносится с историческими реалиями.

В первой статье, опубликованной в предыдущем номере журнала, были показаны параллели между образом науки, ученых и «идеального города» в целом в литературной утопии и мифологизированными представлениями об Академгородке. Многие из этих мифов вошли в тезаурус советских идеологов и стали инструментом пропаганды. Также были высказаны предположения о природе мифологем и об исторических основаниях популярности мифов о «Республике Ученых» в Сибири.

Во второй статье мифологемы Академгородка соотнесены с реальным процессом развития «наукограда». Показаны причины и исторические предпосылки формирования научного комплекса в связи с отечественными и зарубежными научно-организационными концептами и практиками. Особое внимание уделено совокупности социальных противоречий в «городе науки». Автор полагает, что тот научно-организационный формат и социокультурный феномен, который возник в Академгородке, мог сформироваться только в конкретно-исторических условиях хрущевской «оттепели». В еще большей степени это заключение относится к мифологемам Академгородка, насыщенным технократическими концептами и подернутым романтическим флером времен «надежд и ожиданий». Однако очевидно и то, что существующая в системе мифологем «Республика Ученых» имеет огромное количество расхождений с реальностью. В заключение сделан вывод о причинах устойчивости мифов, социальной роли мифологем, а также об опасностях, которые таит в себе инструментальное использование опыта мифологизированной истории.

Ключевые слова: литературная утопия, Стругацкие, социальная утопия, Академгородок, СО АН СССР/ СО РАН, мифологемы, советские идеологемы, история науки.

Библиографическое описание для цитирования:

Водичев Е.Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья вторая. Реалии // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 28–50. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50.

Академгородок: парадоксы истории

В истории Академгородка многое становится понятно при анализе подлинных причин его формирования и быстрого роста. Уже это позволяет отрешиться от ряда иллюзий и романтических интерпретаций при попытках реконструировать имидж города науки [6]. Существовало несколько принципиальных обстоятельств, способствовавших успешной реализации концепции СО АН СССР. Во-первых, идея создания мощного научного центра в Сибири, не имеющего ни по своим масштабам, ни по принципам организации аналогов в отечественной гражданской науке, на тот момент времени действительно отражала объективные потребности научно-технического прогресса. Целесообразным представлялось

объединение в рамках единого научного организма разнопрофильных учреждений, связанных между собой не только местоположением, но и организационно-управленческой структурой и системой коммуникаций. В силу огромной инерционности советской научной модели эту идею было гораздо проще реализовать в тех регионах, которые не были избалованы вниманием «большой науки», но где всё же имелась определенная инфраструктура для последующего наращивания научного потенциала. Сибирь, особенно Западная Сибирь, где действовал Западно-Сибирский филиал АН СССР и работали крупные вузы, была в этом смысле весьма благоприятным полигоном.

Во-вторых, вряд ли идею организации мощного научного центра в Сибири удалось бы реализовать без объявленного политического курса на приоритетное экономическое развитие восточных регионов страны. В силу масштабности планов «преобразования Сибири и Дальнего Востока» и при обозначившейся тенденции перехода к научно-индустриальному типу производства радикальные планы научной реорганизации получали гораздо больше шансов на успех, чем прежде.

В-третьих, созданию Сибирского отделения АН СССР способствовало решение о перестройке системы управления промышленностью и строительством по территориальному принципу, о передаче оперативного управления экономикой из центра на места. Это позволило некоторым из зарубежных экспертов отметить, что создание СО АН СССР следует рассматривать как «одну из наиболее интересных мер по децентрализации экономики в духе решений XX съезда КПСС» [21, р. 371–372]. На наш взгляд, в предшествующие годы как создание, так и развитие филиалов АН СССР в Сибири серьезно тормозилось именно политическими причинами и желанием центра не допустить усиления полномочий местных властей.

В-четвертых, несомненно сказывались личные амбиции авторов концепции СО АН СССР и близость одного из них к лидеру страны. Обладая даром убеждения и пользуясь доверием, он сумел донести свои представления о модели нового научного комплекса по нужному адресу.

В-пятых, имели место и соображения стратегического характера. Еще с предвоенных лет в Сибири шло интенсивное наращивание военно-промышленного потенциала, требовавшего адекватного научного обеспечения. В силу этого Сибирское отделение АН СССР изначально обрекало себя на «узы дружбы» с военно-промышленным комплексом.

Можно отметить и другие обстоятельства как объективного, так и субъективного характера. Но, исходя из общеизвестной советской практики, можно предположить, что при создании СО АН СССР сработал типичный для советского времени механизм принятия решений, когда уже внешнее и согласованное на высшем политическом уровне стратегическое

решение вкладывалось в уста ключевых союзников внутри соответствующих ведомств (в данном случае Академии наук), легитимировалось посредством «общественной инициативы» и озвучивалось авторитетными лидерами. Наряду с наличием объективных предпосылок следует признать, что «замысел создания СО АН СССР возник, скорее всего, спонтанно и был ответной реакцией на множество разнородных проблем, причем имелись различные пути их решения. Но только настойчивость отдельных «руководящих лиц» позволила сделать выбор, который сегодня кажется естественным» [1, с. 129; 2, с. 229]. Необходимо подчеркнуть, что это предположение несколько не умаляет роли «отцов-основателей» в разработке конкретной научно-организационной платформы для его практической реализации.

Очевидно, что будущие руководители СО АН СССР, особенно М.А. Лаврентьев, будучи людьми весьма амбициозными, ко второй половине 1950-х гг. в силу ряда обстоятельств оказались неудовлетворенными своим положением и были вынуждены задуматься о новых вариантах продолжения своей научной и научно-организационной карьеры, что стало особенно актуальным после завершения атомного проекта. Вариант с отъездом из Москвы в Сибирь ради нового витка карьерного роста на тот момент времени представлялся оптимальным. Весьма успешной оказалась и кадровая политика, положенная в основу нового научного комплекса в целом, которая опиралась на системный учет мотивирующих факторов для различных категорий ученых. Среди них каждый получал свое: одни – ключевые позиции в руководстве наукой, другие – перспективы быстрой научной карьеры, третьи – прекрасные условия для работы и быта. И все вместе обретали хорошие возможности для плодотворной научной деятельности. В результате этого концепция СО АН СССР могла рассчитывать на поддержку ученых из различных социальных слоев, что обеспечивало научному центру в Сибири высокие шансы на успех. Оставалось какое-то место и для романтики...

Следует отметить и еще один момент. Формирование инфраструктуры Академгородка проходило совсем не так бесппроблемно, как это осталось в исторической памяти его летописцев. Возникало немало сложностей с получением оборудования и материалов, которые областные власти нередко пытались изъять и использовать для своих нужд, не связанных с наукоградом. Эти вопросы, как правило, решались посредством личных обращений М.А. Лаврентьева в Москву. Регулярными были задержки в строительстве и отставание от графика, а также низкое качество строительных работ. Обо всём этом свидетельствуют архивные документы, часть из которых опубликована, а также ряд научных публикаций [14, 19].

Ситуация существенно улучшилась лишь после того, как строительство Академгородка было поручено специальной организации «Сибкадемстрой», находящейся в ведении одного из столпов ВПК – Минсредмаша СССР и возглавляемого полковником (впоследствии генерал-майором) Н.М. Ивановым, имевшим большой опыт руководства строительными организациями в системе ГУЛАГа. Таким образом, в реальности комсомольский энтузиазм дополнялся дисциплиной полувоенной структуры, а комсомольцы-добровольцы разбавлялись некоторым количеством военнослужащих и заключенных, труд которых также использовали при строительстве [7, с. 160–172; 15].

Совокупность мифологем включает в себя тезис об уникальности Академгородка как научно-организационного явления. Но, оценивая релевантность таких заявлений, следует принимать во внимание и еще одно обстоятельство, объединяющее концепт нового академического центра в Сибири с характерными для этого времени интенциями развития науки в мире. Действительно уникальный с точки зрения отечественной гражданской науки новый научный комплекс хорошо вписывался в общемировые научно-организационные алгоритмы. С середины 1950-х гг. в экономически развитых странах мира начинается массовое строительство локализованных научных комплексов, «городов науки», впоследствии получивших в отечественной литературе название наукоградов. Близкое содержание имеет еще один широко распространенный термин – «технополисы».

Но у них были и отечественные прообразы, как бы ни хотелось о них забыть некоторым ревнителям чистоты истории российской науки. Корни советских наукоградов легко отыскать в многочисленных шарашках, создававшихся для научного и технологического обеспечения интересов ВПК во второй половине 1930-х – 1950-х гг. Их можно рассматривать в качестве методологической, а в ряде случаев и исторической первоосновы монопрофильных научных комплексов, ставших частью сталинских «больших проектов», в частности, таких как атомный и космический. К середине 1950-х гг. шарашки исчезли, вернее, претерпели большие метаморфозы, но современные Саров, Снежинск и многие другие наукограды «оборонного» характера, в то время известные лишь узкому кругу лиц под названиями Арзамас-16, Челябинск-70 и т. п., сохраняли их некоторые родовые черты. Конечно, Городок имел с «почтовыми ящиками» немного общего в социальном смысле, но в плане организации науки он опирался на ряд апробированных и признанных успешными решений.

Иными словами, уникальность Академгородка с точки зрения как мировых, так и скрытых от широкой общественности отечественных научно-организационных практик, находившихся за завесой секретности, была явлением весьма относительным. Это несколько не умаляет достоинств его

идеологов, поскольку перенос в СССР передового научного организационного мирового опыта, а также трансфер научно-организационных практик ВПК из «оборонной» в гражданскую сферу был событием крайне важным. Но с точки зрения исторической правды говорить о его абсолютной уникальности можно лишь с определенной долей условности.

Последнее, кстати говоря, позволяет критически отнестись и к еще одной мифологеме – о нацеленности научных коллективов Академгородка на работы в сфере «чистой науки». В реальности связи СО АН СССР/СО РАН с «оборонной» тематикой всегда были очень глубоки, а в некоторых институтах она фактически оказывалась доминирующей. При этом по другим направлениям исследований, в отличие от монопрофильных «оборонных» научных комплексов, Академгородок оставался открытым для коммуникаций и контактов, в том числе и для общения с коллегами из-за рубежа.

И, наконец, обратимся к наиболее устойчивой мифологеме, характеризующей научное сообщество Академгородка как бесконфликтную и социально умиротворенную «Республику Ученых». Конечно, такой образ не имел и не мог иметь ничего общего с реальностью. Конфликты в научном сообществе существуют всегда, и Академгородок не был исключением. Другое дело, что они тщательно затушевывались, особенно когда дело касалось «отцов-основателей» научного комплекса. Между тем сложности в отношениях среди руководства научного центра начались вскоре после его успешного старта. Ряд из них, в частности конфликты между председателем СО АН СССР М.А. Лаврентьевым, с одной стороны, и такими крупными учеными и руководителями научных учреждений, как С.А. Христианович, Г.И. Будкер, Е.Н. Мешалкин, И.И. Новиков, В.В. Струминский и др., с другой стороны, существенно повлияли на судьбу многих ученых, научных институтов и Академгородка в целом. Эти конфликты продолжались и в дальнейшем, став одной из существенных причин отставки М.А. Лаврентьева с поста председателя СО АН СССР в 1975 г. [11].

Что касается локального научного сообщества Академгородка, то в реальности его портрет отличался от апологетических интерпретаций гораздо большей сложностью и разнообразием цветов и оттенков. Настроения Городка включали в себя и социальное фрондерство, и утопические представления о перспективах развития страны и роли науки в этом процессе [9, 13]. Глубоко ошибочно мнение о том, что ученые Академгородка были обитателями стоящей в сибирской тайге «башни из слоновой кости», далекими от происходящих в обществе социальных и мировоззренческих баталий. Напротив, на социальном самочувствии научного сообщества в полной мере сказались особенности хрущевской «оттепели» – времени на-

дежда и ожиданий. Впрочем, дальше дискуссий в период «оттепели» дело не заходило.

Всё это было приправлено глубоким сциентизмом, убежденностью в безграничных возможностях науки и техники, надеждой с их помощью решить большинство социальных проблем, носящих не только экономический, но и гуманитарный характер. Следствием утверждения сциентизма в мировоззрении ученых стала высокая оценка ими своего социального предназначения, а также претензии на значимую социальную роль в обществе, на участие в выработке и принятии решений по широкому спектру вопросов общественного развития.

Представления о демократических ценностях, столь популярные в Академгородке, проецировались и на сам социальный институт науки. Наука в СССР и во времена Н.С. Хрущёва оставалась весьма бюрократизированной, жестко иерархизированной и была подвержена монополизму отдельных лидеров научных школ и направлений. Ситуация в Академгородке в начальный период его истории также существенно отличалась от привычных стереотипов и мифологем. В мемуарах современников и в официальной историографии отмечается демократический стиль управления, характерный для нового наукограда. Утверждается, что многие руководители научных учреждений были доступны для общения, демонстрировали способность выслушать любые идеи и соображения, даже если те и противоречили их собственным взглядам. В научных и университетских кругах был принят неформальный стиль общения «без отчества и галстуков». Этому способствовала территориальная близость сотрудников с различным социальным статусом, их общее жизненное пространство, а также существовавшая в течение длительного времени после формального открытия Новосибирского научного центра общая бытовая неустроенность.

Всё это было правдой, но не всей правдой. Демократичность в отношениях во многом носила поверхностный характер, поскольку изначально в структуру Академгородка были заложены элементы, отнюдь не повторяющие столь популярному одно время эгалитаризму. В этом смысле весьма показательны свидетельства известного социолога В.Н. Шубкина, который говорит о существующей дифференциации, касающейся в том числе бытовых условий (коттеджи для академиков, обычные дома для докторов наук и «хрущевки» для кандидатов), продуктового и промтоварного снабжения, медицины. Как отмечает социолог, «...это иногда приобретало просто анекдотический характер...» [18, с. 72]. Такая дифференциация в основном воспринималась как данность, и лишь немногие из тех, кто пользовался такими привилегиями, задавались вопросами о естественности такого положения.

К числу таких «немногих» относилась, например, сотрудник Института цитологии и генетики СО АН СССР Раиса Берг, которая позднее, уже после эмиграции в США, писала в своих воспоминаниях: «Защитив диссертацию и став доктором наук, я попала в категорию привилегированных, стала худшей среди лучших. Особое снабжение полагалось докторам, членам-корреспондентам и академикам. Особый продуктовый магазин, особый магазин промышленных товаров, поликлиника высшего типа <...>. Жилье распределяется по чинам, и разница между коттеджами академиков, коттеджами членов-корреспондентов, квартирами докторов наук и жильем прочих грандиозна...» [3, с. 313].

Периодически всё это приводило к напряженности в отношениях и между отдельными учеными, и между научными работниками и строителями Академгородка. Чего стоит, например, выступление одного из рабочих на IV партийной конференции Советского района в ноябре 1960 г.: «У нас неправильное положение существует в отношении стола заказов. Ведь что получается: в микрорайоне “А”, в микрорайоне “Д” есть стол заказов, но ведь там живет народ повыше рабочих, а вот в микрорайоне “Щ” живут рабочие, в основном строители, но там стола заказов нет, заказы от рабочих не принимаются. Спрашивается, почему такая разница? Выходит, что в микрорайонах “А” и “Д” могут кушать мясо, а в микрорайоне “Щ” пусть кушают картошку» [14, с. 90].

Сочетание своеобразных исторических обстоятельств сформировало высокий уровень социальной ангажированности ученых Академгородка. Нередко она выходила и во внешние по отношению к науке сферы деятельности, проявляясь в широких дискуссиях, затрагивавших важные общественно-политические проблемы. Как это было реализовано на практике, хорошо известно из опыта работы общественных объединений научного центра, и прежде всего клуба «Под интегралом» – основного предмета ностальгических воспоминаний современников.

В демократические игры в Академгородке играли с увлечением. Находилось всё больше и больше сценариев, способных не только тренировать интеллект, будоражить воображение и чувства, но и влиять на конкретную жизнь научного центра. Постепенно, шаг за шагом, совершалось продвижение от интеллектуальной гимнастики и политического резонанса клуба «Под интегралом» к попыткам экономических экспериментов более прагматичного «Факела», успешно занимавшегося незаконной, по мнению властей, хозяйственной деятельностью.

Было бы заблуждением считать, что центральная власть в лице высших партийных структур не знала, что происходило в новом научном центре. В ЦК КПСС и КГБ было известно даже об относительно незначительных по масштабу событиях в институтах Академгородка. Местные власти про-

являли еще большую настороженность в отношении всего того, что происходило в Академгородке: они как раз видели «детали» жизни научного сообщества, которые с точки зрения традиционных норм и представлений советского времени не вполне вписывались в пределы допустимого. Но покончить с дискуссиями в то время не удавалось: этому препятствовали общая поддержка, оказываемая научному центру из столицы, «оттепель» с ее духом реформаторства (более ощутимым в Москве, чем в Новосибирске) и отсутствие прецедента. Власть позволяла ученым играть в свои игры, надеясь, что игра когда-нибудь закончится сама собой.

Сказывалась и географическая удаленность Академгородка от Москвы, и определенная автономия в рамках Новосибирска. Как вспоминает академик Т.И. Заславская, «одна из заслуг академика Лаврентьева, что когда он выбирал место для Академгородка, не последним соображением было – подальше от обкома партии. В Иркутске такой городок на окраине города, в Красноярске – вообще часть города. Лаврентьев же хотел самостоятельности в этом плане – и он ее добился. Мы тоже имели неприятности с обкомом партии, но всё-таки они не сидели у нас безвылазно, а лишь наезжали, и то нечасто. Конечно, были доносчики, “стукачи”» [18, с. 146].

Таким образом, реальность была намного сложнее, чем это представлялось в мифологизированных интерпретациях Академгородка. Однако очевидно и то, что для мифов о «Республике Ученых» были и исторические основания – Академгородок всё же существенно отличался от других научных центров Советского Союза. Но это относилось прежде всего к первому десятилетию в истории научного комплекса. Ныне общепризнано, что социальная ситуация в Академгородке начала ухудшаться уже с середины 1960-х годов. Это было связано и с увядающим сциентизмом, и с невыполненными обещаниями ученых, которые от их имени давались обществу на рубеже предшествовавшего десятилетия, и со сменой руководства страны и возросшим политическим давлением на научное сообщество, и с рядом конкретных неудач М.А. Лаврентьева (потеря Дальневосточного филиала СО АН СССР, преобразованного в самостоятельное отделение, невозможность окончательного формирования так называемого пояса внедрения и т. д.).

Переломным для Академгородка стал 1968 г. Он вошел в историю научного центра тремя ключевыми событиями: студенческим протестом против судебного произвола над диссидентами, тематически связанной с первым событием, но приобретшей гораздо большее политическое звучание кампанией «подписантов» и фестивалем бардов. На наш взгляд, именно кампания «подписантов» (а точнее, ее разгром) стала центральным звеном политики по приведению общественной атмосферы в Академгородке к усредненному для страны общему знаменателю [8, 10].

«Письмо 46» стало частью волны протеста против суда над представителями либеральной интеллигенции – не первым и не последним в серии подобных. В стране волна общественного осуждения марионеточного судебного процесса по делу Александра Гинзбурга, Юрия Галанскова, Алексея Добровольского и Веры Лашковой поднялась еще в конце 1967 г. Однако до Академгородка она дошла чуть позднее. Это была первая столь эффективно организованная акция протеста. У основания движения стояла группа ученых, связанных с московской правозащитной группой П. Литвинова. Первое новосибирское письмо, которое так и не было отправлено, подписали 125 человек, в том числе и значительное количество студентов. Некоторые крупные ученые и организаторы науки, известные своими либеральными взглядами, отказались поставить свою подпись, считая эту акцию совершенно бессмысленной и опасной для Академгородка. В их числе, например, был директор Института ядерной физики академик Г.И. Будкер. Обращение к нему было неслучайным – основным центром сбора подписей, наряду с Новосибирским университетом, как раз и стал ИЯФ.

Уже в январе 1968 г. информация о сборе подписей и общий контекст письма были озвучены в одной из программ радиостанции «Голос Америки». Затем последовали первые предупреждения и угрозы со стороны партийных инстанций. Это частично возымело действие: собранные подписи были уничтожены, и началась вторая подписная кампания, как раз и воплотившаяся в «Письме 46». Письмо было подписано 19 февраля 1968 г. и отправлено в Верховный Суд РСФСР и Генеральному прокурору СССР (копии – Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному, Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, редакции газеты «Комсомольская правда»).

Примерно спустя месяц письмо появилось на страницах газеты *New York Times*. 27 марта оно прозвучало в передаче радиостанций «Свобода» и «Голос Америки». Сразу же после этого партийные инстанции потребовали «организационных выводов» в отношении подписавших письмо протеста. Поле для деятельности открывалось большое: по данным А. Амальрика, общее количество «подписантов» в стране составило 738 человек. В Академгородке письмо подписали 46 человек.

В борьбе с «подписантами» партийные власти использовали иезуитскую тактику. Во-первых, они стремились добиться их осуждения в научных коллективах. Это проходило непросто, поскольку многие коллеги сочувствовали тем, кто был подвергнут «публичной порке». Иногда такое сочувствие приобретало и открытые формы. Во-вторых, столкнувшись с «недопониманием ситуации», партийные власти инициировали практику проведения от-

дельных собраний научных сотрудников и прочего персонала, работавшего в институтах. Подобная сегментация трудовых коллективов несомненно создавала большие возможности для политического давления. В ИЯФе при очень сдержанном отношении к сложившейся ситуации со стороны коллектива научных сотрудников желаемого результата легко удалось добиться у рабочих, которые доминировали в производственном секторе. Умело манипулируя сознанием производственников, далеких от интеллектуальных терзаний ученых, партийные власти сумели добиться нужной тональности собраний. В-третьих, была сделана попытка психологически сломать «подписантов» и морально унизить их в глазах коллег. «Подписантов» заставили публично каяться и признавать свои ошибки.

Действия «подписантов» были квалифицированы как «безответственность и политическая незрелость», попытка «дискредитировать советские юридические органы», а вся акция была названа «политически вредной, использованной враждебными нашей стране организациями для идеологической диверсии». Точку в деле «подписантов» поставил Новосибирский обком КПСС. На собрании актива 19 апреля в выступлении первого секретаря Новосибирского обкома Ф.С. Горячева «подписанты» были квалифицированы как «политические диверсанты».

Думается, что прав один из очевидцев происшедшего, старейший преподаватель Новосибирского университета Л.Ф. Лисс, отметивший, что «собственно, режиму нужен был сам факт протеста, чтобы в очередной раз «проработать» распустившуюся интеллигенцию. Это и было сделано. Если бы эта сверхзадача не стояла, то всю эту историю вполне можно было элиминировать еще на уровне подготовки и подписания письма. Ведь это никакой тайны не представляло» [16].

По словам П. Джозефсона, «Дело подписантов вызвало гнев партии на все уникальное, что было в Академгородке. Общественные клубы были закрыты. Стихли голоса бардов. Картины сняты со стен... Все символы жизнеустремленности, свободы и открытости остались только символами, свидетельствуя лишь о первоначальных намерениях и духе Академгородка» [22, р. 304].

Тем не менее очевидно, что с формированием Академгородка в советской науке возник мощный психологический фактор – научный центр заставил интеллектуалов говорить о себе как о «Новой Атлантиде», где в рамках советской модели социальной организации удавалось, как представлялось в то время, обеспечить реализацию свободы научного поиска и демократических инициатив. На практике эти возможности оказывались во многом иллюзорными, достижения – преувеличенными, а прогресс в данной области был краткосрочным и исторически преходящим. Однако легенды и мифы об Академгородке сохраняли надежду...

Выводы и заключения

Какие выводы относительно природы мифологем о «Республике Ученых», об устойчивости этих мифов, а также о корреляции между идеальными образами и реальностью можно сделать из всего вышеизложенного? На наш взгляд, на популярность и устойчивость мифов о «Новой Атлантиде», вернувшихся в ментальный тезаурус советского общества во второй половине XX в., повлияла главным образом специфика времени. И литературный проект (НИИЧАВО в произведении братьев Стругацких), и мифологические интерпретации реального научно-организационного проекта (новосибирский Академгородок) имеют под собой общую основу. Она, в свою очередь, позволяет четко выделить два «среза» – общеметодологический (мировоззренческий) и конкретно-исторический.

Первый из этих аспектов поднимает фундаментальный вопрос о технократизме советского общества. Со времен большевистского переворота в 1917 г. в советской России наука позиционировалась не только как важнейший инструмент социально-экономического развития – она стала одной из ключевых идеологем коммунистической доктрины. В дальнейшем Вторая мировая война убедительно показала, что победы на полях сражений достигаются не только за счет героизма тех, кто непосредственно в них участвует, но и посредством передовых технологических решений, внедряемых в системы вооружения, в военную технику, в военную экономику в целом. Война завершилась атомными взрывами в Хиросиме и Нагасаки, дав гигантский толчок формированию «большой науки» в передовых странах мира.

Начавшаяся «холодная война» еще больше способствовала развитию науки по обе стороны невидимого фронта. Исход «холодной войны» во многом теперь зависел от состояния и эффективности использования научно-технического потенциала в государствах, противостоящих друг другу на полях «тихих» сражений в научных лабораториях. Будущее страны во многом зависело от технологических перемен в экономике. Соответственно, «большая наука» отныне определяла перспективы военно-технической революции и переход к новым технологическим укладам. По справедливому утверждению американского профессора Лесли Стюарта, во второй половине прошлого века в США сформировался «военно-промышленно-академический комплекс» [23, р. 1]. Но столь же справедливо говорить о формировании такого же комплекса и в СССР. Очевидно, что все эти процессы отразились не только в реальной политике, выразившейся в СССР в экспоненциальном росте некоторых показателей научного потенциала и в новых форматах организации науки по типу «научных городков», но и в общественном сознании, где образ

«большой науки», прежде всего физики и физиков, оказался вознесенным на недостижимую прежде высоту.

Таким образом, именно советский технократизм в условиях послевоенного мира мы рассматриваем в качестве одной из основ возрождения мифов о «Новой Атлантиде» – как литературного, так и обладающего реальным прототипом в виде Академгородка и других советских наукоградов.

Вторым обстоятельством, имеющим конкретно-исторический характер, стал социокультурный фон второй половины 1950-х – середины 1960-х гг. Утопию Струацких и новосибирский Академгородок объединяет то, что они рождены во время «оттепели», в то бурное, потрясающее яркими красками и разнообразием оттенков десятилетие, которое пусть на короткое время, но разморозило мрачное советское общество позднесталинского периода, породив множество иллюзий о свободе и демократии. В стране стали формироваться зачатки гражданского общества, отчетливо заметные на примере локальных научных сообществ. Процесс этот, правда, был весьма противоречивым и непоследовательным, примером чего стали «бульдозерные атаки», инициированные самим Н.С. Хрущёвым. Тем не менее появление в этот период времени утопических произведений, отражающих новые возможности науки и роль ученых в обществе, вполне укладывается в русло происходивших событий. Равным образом, как и отражение в них подобных социокультурных противоречий и конфликтов.

Что касается Академгородка, то, как уже отмечалось, этот наукоград в полной мере стал детищем «оттепели». Он создавался тогда, когда на некоторое время оказались ослаблены жесткие политические и идеологические рамки над «системой духовного производства», что совпало с насущными потребностями самой науки, стремившейся хотя бы к относительной автономии. Это значительно улучшало условия научной деятельности в стране [4, с. 91–133; 5, с. 8–41]. Логичен вопрос: а мог бы возникнуть научный комплекс вблизи Новосибирска вне этого контекста? Вполне возможно, что да, но скорее всего он напоминал бы многие другие «закрытые» городки науки, созданные чуть раньше или чуть позже. Тот научно-организационный формат и социокультурный феномен, который со всеми изменениями существует *de facto* и поныне и известен как Академгородок (и зачастую более известен в мире, чем город, частью которого он формально является), мог сформироваться только в конкретно-исторических условиях, сложившихся в СССР более полувека назад. Еще в большей степени это заключение относится к мифологемам Академгородка, насыщенным технократическими концептами и подернутым романтическим флером времен «надежд и ожиданий».

Еще одно заключение, которое следует из наших наблюдений, – это вывод о более высокой корреляции между утопией Струацких и образом

реально существующего Академгородка, чем между мифологизированным Академгородком и Академгородком реальным. Фактически существующая в системе мифологем «Республика Ученых» имеет огромное количество расхождений с реальностью во многих аспектах, кроме, естественно, локализации научного центра, его статистических показателей, профиля и ориентации научных институтов, а также существующих в этом пространстве конкретных персон, главным образом – его «отцов-основателей», академиков, директоров институтов и руководителей научных школ, многих других известных персонажей. При этом оценки многих из них базируются на явном преувеличении определенных личностных характеристик и недооценке или забвении других черт характера и стиля руководства. В результате формируются образы, фактически обедняющие реально существовавших и работавших во вполне определенных условиях ученых и руководителей научных учреждений.

Напротив, утопия Стругацких в чем-то типологически ближе реальному Академгородку со всеми его противоречиями и коллизиями. В литературном произведении наука предстает не только как удел увлеченных романтиков, но и как повседневная рутина. В вымышленном институте работают не только честные и образованные исследователи, но и прохиндеи от науки, цинично пытающиеся использовать политическую и идеологическую конъюнктуру для достижения своих целей.

В целом образы научных работников в утопии Стругацких гораздо более многогранны, чем в мифологизированном Академгородке. Более того, даже сам цикл научных исследований и этапы работы показаны более точно. При этом поставлены важные проблемы, которые ко времени появления утопии почувствовали на себе многие реальные сотрудники реальных институтов реального Академгородка. К их числу, например, относится уже упомянутая проблема управления научным учреждением и разнообразных компетенций, которые для этого требуются и которые часто труднодостижимы для одного человека, оказавшегося в директорском кресле. В литературном произведении достаточно точно нашли свое отражение и некоторые экономические и социальные проблемы (например, труднодоступность оборудования и крайняя забюрократизированность процесса получения приборов и материалов для исследований в СССР и т. п.).

В ряде случаев возникает ощущение, что Стругацкие обладали даром предвидения, указав на социально-экономические, научно-организационные и социально-психологические проблемы, с которыми вскоре предстояло столкнуться реальному, немифологизированному Академгородку. В этом смысле литераторы выступили в качестве интуитивных социологов и историков, базирясь на собственной реконструкции опыта наукоградов.

Не будем забывать, что ПнС появился на свет несколько позднее, чем Академгородок, уже создавший предпосылки для такой рефлексии.

В гораздо более жестком виде эти проблемы были обозначены через несколько лет известнейшим в свое время публицистом и научным журналистом М. Поповским, вынужденным покинуть СССР, в работе под характерным и очень точным названием «Управляемая наука». Он поставил следующий вопрос: «Поняли ли хозяева советской науки, что, в отличие от Запада, наш эксперимент с научными резервациями провалился? <...> Что до партийных руководителей науки, то они в городках души не чают. Именно городки для них – символ лучшего, что есть в науке страны. Что же их так восхищает? На прямой вопрос партийные боссы отвечают мало-содержательными фразами о “взаимном оплодотворении наук”, об атмосфере энтузиазма среди жителей Академгородка, Дубны и Пущино. Как мы теперь знаем, энтузиазмом тут не пахнет. Но зато есть нечто другое, действительно ценное. В городках науки исследователь еще более зависим от администрации, чем в Москве, Ленинграде или Киеве; проявление личной или общественной инициативы там еще менее возможно, чем в больших городах; общественное мнение доведено до нулевой отметки, личностный характер в науке полностью отсутствует. Иными словами, советская наука в научном городке более управляема, чем где бы то ни было в другом месте» [17, с. 123]. Близки к таким оценкам и некоторые из профессиональных историков, также считающих опыт Академгородка крайне противоречивым [14].

Что сказать? Многие сочтут это неоднократно цитировавшееся заключение излишне резким и необоснованным. Следует отметить, что оно относится уже к иной исторической эпохе, середине 1970-х, когда от времени «оттепели» остались лишь осторожные воспоминания, а Академгородок уже слегка постарел. Кстати говоря, сами братья Стругацкие четко уловили изменение политического и социокультурного климата в стране уже во второй половине 1960-х гг. и осмыслили новую ситуацию в продолжении ПнС, которое известно как «Сказка о тройке» [20]. В отличие от ПнС, это произведение выглядит как антиутопия и весьма мрачный прогноз, предупреждающий о том, что может случиться с советской наукой и ее наукоградами, если негативные тенденции в развитии советского общества продолжатся и неоконсервативная трансформация режима будет доведена до абсолюта. «Сказка о тройке» – это предвидение того, во что может превратиться живой научный организм в условиях торжества победившей околонучной бюрократии. Неудивительно, что эта повесть попала в число запрещенных вскоре после ее первой публикации в 1968 г. в одном из малотиражных провинциальных журналов, после чего она была переиздана за рубе-

жом в известном диссидентском журнале «Посев» и вновь увидела свет в СССР лишь в 1989 г.

Как нам видится, в этом фатальном (на наш взгляд, всё же чрезмерно горьком) диагнозе указан и вектор эволюции утопической «Республики Ученых», представленной и НИИЧАВО Стругацких, и мифологизированным Академгородком. Тем самым в условиях изменившегося внешнего контекста и развивающихся процессов внутренней деградации показано, как утопия может трансформироваться в антиутопию. Насколько это произошло в реальности – судить современникам событий и историкам, когда временная дистанция позволит делать такие выводы и заключения.

В заключение нам хотелось бы сделать несколько замечаний о социальной роли мифологем, вытекающих из представленного анализа. Как известно, мифы крайне важны для любого режима, особенно для тоталитарного или авторитарного, поскольку они цементируют общество и позволяют посредством обращения к ним направлять общественные усилия на достижение поставленных государством целей. Но не менее чем для политиков и политиканов они важны и для самого общества. Обществу тоже нужны идеалы. Однако когда они базируются на мифах, они подменяют собой цели развития. Как известно, главное свойство мифов состоит в том, что мифы никогда не совпадают с реальностью, а цели, построенные на них, принципиально недостижимы.

Значимость мифологем определяется и тем, что они, как правило, становятся основой формирования идентичности. Большинство моделей социальной идентичности базируется именно на мифах, которые зачастую весьма далеки от реальности, и это может быть крайне опасно. Мифы формируют ложную реальность, создают иллюзорный мир, который обладает способностью эффективно замещать мир реальный. В итоге и индивиды, и локальные сообщества, а зачастую и сами представители систем социального управления не фиксируют реальные проблемы и не придают им должного внимания. Более того, формируется крайне негативное отношение к тем, кто призывает снять «розовые очки», поскольку это разрушает столь удобный и приятный для большинства мир иллюзий. Однако это лишь переводит проблемы в стадию кризиса и многократно усугубляет ситуацию.

С другой стороны, мифы провоцируют желания отыскать решения в ретроспективе, поскольку иллюзорный мир часто обращен в будущее через героизируемое «славное прошлое», которое становится героическим независимо от того, как происходили события на самом деле. Так создается психологическая ловушка и для отдельных людей, и для локальных сообществ, идентичность которых построена на мифах, и для общества в целом. Постоянное обращение к мифологизированному прошлому приво-

дит к выдвижению некорректных целей развития. К тому же решать современные проблемные ситуации предлагается с помощью извлеченных из пыльных сундуков инструментов и приемов из прошлого, которые были использованы (или считается, что они были успешно применены) в мифологизированном прошлом. Будут ли они работать, да и работали ли вообще – это большой вопрос, поскольку сам по себе такой инструментальный арсенал также является частью мифов.

Литературные утопии будут существовать вечно. Однако в том случае, если находятся современные им прототипы, даже если авторы отказываются это подтверждать, отношения между ними могут складываться весьма любопытно. Литературные утопии после их публикации, после того как они становятся достоянием общества, обретают собственную жизнь. Существовая в интеллектуальном пространстве и будучи весьма востребованными в определенных слоях общества, они питают энергетику утопий социальных и сами подпитываются от них, сохраняя свою высокую востребованность. В каком-то смысле литературные утопии задают угол зрения, формируют призму, через которую рассматривается и оценивается реальный прототип. В этом калейдоскопе находится место и для апологетики, и для критических сравнений и оценок. Но общий фон остается по-прежнему утопичным. Нам представляется, что именно так и произошло в отношениях между литературной утопией братьев Стругацких и социальной утопией новосибирского Академгородка.

Как нам кажется, истинное предназначение таких произведений, каким является ПнС, – навсегда оставаться сказками, будить воображение и будировать мысли. Мифологемы Академгородка также должны сохраниться в интеллектуальном тезаурусе лишь как *fairytale* о славном прошлом. Глубочайшая ошибка – использовать их в качестве основы для разработки научной политики, поиска инструментов прогнозирования и научно-технологического менеджмента. Такие ситуации уже возникали в недавнем прошлом. Их смысл заключался в том, чтобы вернуть научный организм к некоему идеальному мифологизированному состоянию, которое вряд ли существовало в прошлой реальности и уж точно невозможно сейчас, поскольку условия и возможности радикально изменились. Попытка репликаций извлеченных из мифов сценариев приведет лишь к напрасной растрате интеллектуальных и материальных ресурсов да и так уже почти полностью истощившихся запасов социальной энергии. Именно в этом, на наш взгляд, заключается урок, который можно извлечь из совокупности мифологем, и он крайне актуален не только для современного Академгородка, но и для российской науки да, пожалуй, и для общества в целом.

Литература

1. *Артемьев Е.Т.* Как принимались решения в советской системе управления (Случай создания Сибирского отделения АН СССР) // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 3 (32). – С. 129–138.
2. *Артемьев Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации: монография. – М.: РОССПЭН, 2006. – 255 с.
3. *Берг Р.А.* Суховой. Воспоминания генетика. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 527 с.
4. *Водичев Е.Г.* Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы: монография. – Новосибирск: Гео, 2012. – 348 с.
5. *Водичев Е.Г.* Путь на Восток. Формирование и развитие научного потенциала Сибири: монография. – Новосибирск: ЭКОР, 1994. – 204 с.
6. *Водичев Е.Г.* Научный центр в Сибири: императивы формирования и имиджи восприятия // Вопросы истории естествознания и техники. – 1995. – № 1. – С. 91–102.
7. Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк: монография / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин, Л.Б. Ус, М.Ю. Черевикина; отв. ред. Н.А. Добрецов, В.А. Ламин. – Новосибирск: Наука, 2007. – 510 с.
8. *Водичев Е.Г., Куперитох Н.А.* Социальные настроения учёных Новосибирского Академгородка в 1960-е годы (история «Письма 46-ти») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2002. – Т. 1, вып. 3. – С. 80–84.
9. *Водичев Е.Г., Куперитох Н.А.* Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 77–100.
10. *Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести»: документальное издание. – Новосибирск: Клио, 2007. – 332 с. – Загл. обл.: Академгородок в 1968 году.
11. *Кузнецов И.С.* Академгородок в 1975 году: как уходил Лаврентьев: опыт исторической реконструкции. – Новосибирск: Клио, 2005. – 52 с.
12. *Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок как социальная утопия позднего социализма // Коммуникативная культура современности: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. – С. 17–19.
13. *Кузнецов И.С.* Общественные настроения ученых в новосибирском Академгородке в середине 1960-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2008. – Т. 7, вып. 1. – С. 244–255.
14. *Кузнецов И.С.* Создание новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2011. – Т. 10, вып. 10. – С. 86–91.
15. *Кузнецов И.С.* У истоков Академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964): монография. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – 167 с.

16. *Лисс А.Ф.* Режиму нужен был сам факт протеста... Из воспоминаний А.Ф. Лисса // Логос: историко-литературный альманах. – Новосибирск, 1997. – Вып. 1. Хроника гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – С. 24.
17. *Поповский М.* Управляемая наука: монография. – London: Overseas publishing interchange, 1978. – 319 с.
18. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. – 684 с.
19. Сибирское отделение Российской академии наук. Создание. 1957–1961 годы: сборник документов / отв. ред. Е.Г. Водичев. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. – 376 с.
20. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Сказка о Тройке. – СПб.: Terra Fantastica, 2009. – 352 с.
21. *Conolly V.* Beyond the Urals: economic development in Soviet Asia. – London: Oxford University Press, 1967. – 420 p.
22. *Josephson P.R.* New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 351 p.
23. *Stuart L.W.* The Cold War and American science. The military-industrial-academic complex at MIT and Stanford. – New York: Columbia University Press, 1993. – 332 p.

Статья поступила в редакцию 05.07.2017 г.

Статья прошла рецензирование 15.08.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50

IS IT ALWAYS “MONDAYS BEGINS ON SATURDAY”? OR MYTHS AND REALITIES OF THE SIBERIAN “NEW ATLANTIS”

Part II. Realities

Vodichev Evgeny,

Dr. of Sc. (History)

Chief Research Fellow, Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS,

3 Koptug ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Professor of Department of International Relations

and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University,

20, Marx ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation;

Professor of the Modern History Department,

National Research Tomsk State University,

36, Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8266-1723

VodichevEG@ipgg.sbras.ru

Abstract

The series of two articles deals with comparative analysis of the most famous novel of the charismatic Soviet and Russian writers, the Strugatsky brothers, “Monday Begins on Saturday”, and mythological history of Akademgorodok, a science town near Novosibirsk in Siberia. According to the author’s views, the Strugatsky novel is one the most interesting literary utopias of the second half of the 20th century, and Akademgorodok is one of its prototypes, although it has never been confirmed by the Strugatsky brothers. Meanwhile, myths and legends based on memoirs, recollections, journalists’ publications and propaganda, which fed official historiography of Akademgorodok, allow presenting it as one of the most interesting social utopias of the Soviet period of Russian history.

In the first article, published in the previous issue of this journal, the author showed and analysed correlations and “cross-fertilization” between the literary utopia and the mythology of Akademgorodok that became effective tools of the Soviet propaganda. He articulated historical background of this mythology and explained the nature of its popularity.

In the second paper, the mythology of Akademgorodok is compared with real historical processes of the “science town” development. The author touches upon historical prerequisites and reasons for the new scientific complex formation, and its continuity with some national and foreign practices in the organization of science. He believes that such a “template” in the organization of science and socio-cultural phenomenon that is represented by Akademgorodok, was historically specific and could appear only in peculiar historical circumstances of the Khrushchev’s “Thaw”. To an even greater extent this conclusion can be applied to the mythology of Akademgorodok, full

of technocratic concepts and covered with the romantic “veils” of the time of hopes and expectations.

The author concludes that myths are far from realities, although they are partially based on them, and there are much more in common between the Strugatsky utopia and real Akademgorodok, than between Akademgorodok’s mythology and realities. He also contributes to understanding of the social sense of myths related to the “Republic of Scientists” in Akademgorodok, and substantiating of their popularity and sustainability.

Keywords: literary utopia, the Strugatsky brothers, social utopia, Akademgorodok, SB RAS, mythologema, Soviet ideologemas, history of science

Bibliographic description for citation:

Vodichev E. Is it always “Mondays begins on Saturday”? Or Myths and realities of the Siberian “New Atlantis”. Pt. 2. Realities. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 28–50. doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50.

References

1. Artemov E.T. Kak prinimalis’ resheniya v sovetskoi sisteme upravleniya (Sluchai sozdaniya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR) [How decisions in the Soviet system of management were taken (The Case of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences)]. *Ural’skii istoricheskii vestnik – The Urals historical review*, 2011, no. 3 (32), pp. 129–138.
2. Artemov E.T. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoi modeli pozdneindustrial’noi modernizatsii* [Science-technological policy in the Soviet model of late industrialization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 255 p.
3. Berg R.L. *Sukhovei. Vospominaniya genetika* [Dry wind. Genetic’s memories]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003. 527 p.
4. Vodichev E.G. *Nauka na vostoke SSSR v usloviyakh industrializatsionnoi paradigmy* [Science on the East of the USSR under the paradigm of industrialization]. Novosibirsk, Geo Publ., 2012. 348 p.
5. Vodichev E.G. *Put’ na Vostok. Formirovanie i razvitie nauchnogo potentsiala Sibiri* [Way to the East. Formation and development of the scientific capacity of Siberia]. Novosibirsk, EKOR Publ., 1994. 204 p.
6. Vodichev E.G. Nauchnyi tsentr v Sibiri: imperativy formirovaniya i imidzhi vospriyatiya [Science centre in Siberia: imperatives of creation and images of understanding]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – The problems of natural sciences and technology*, 1995, vol. 1, pp. 91–102.
7. Vodichev E.G., Krasilnikov S.A., Lamin V.A., Us L.B., Cherevikina M.Yu. *Rossiiskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie. Istoricheskii ocherk* [Russian academy of sciences. Siberian branch. Historical review]. Ed. by Dobretsov N.L. and Lamin V.A. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007. 510 p.
8. Vodichev E.G., Kupershtokh N.A. Sotsial’nye nastroyeniya uchenykh Novosibirskogo Akademgorodka v 1960-e gody (istoriya “Pis’ma 46-ti”) [Social mood of scientists of Akademgorodok in 1960s (the story of “Letter 46”)].

tists in Novosibirsk Akademgorodok in 1960s (the history of "The Letter of 46"). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Novosibirsk State University Review. Series: History. Philology*, 2002, vol. 1, iss. 3, pp. 80–84.

9. Vodichev E.G., Kupershtokh N.A. Formirovanie etosa nauchnogo soobshchestva v novosibirskom Akademgorodke, 1960-e gody [Formation of ethos of the scientific community in Novosibirsk Akademgorodok, 1960s]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociology magazine*, 2001, vol. 4, pp. 77–100.

10. Kuznetsov I.S. *Novosibirskii Akademgorodok v 1968 godu: "pis'mo soroka shesti"*. Dokumental'noe izdanie [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: "The Letter of 46". Documentary edition]. Novosibirsk, Klio Publ., 2007. 332 p. Cover title: *Akademgorodok in 1968*.

11. Kuznetsov I.S. *Akademgorodok v 1975 godu: kak ukhodil Lavrent'ev: opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [Akademgorodok in 1975: how Lavrentiev was going out: experience of historical reconstruction]. Novosibirsk, Klio Publ., 2005. 52 p.

12. Kuznetsov I.S. [Novosibirsk Akademgorodok as social utopia of the late socialism]. *Kommunikativnaya kul'tura sovremenosti: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Communication culture of the nowadays: Proceedings of the 6th International science and practices conference]. Novosibirsk, NSU Publ. House, 2016, pp. 17–19. (In Russian).

13. Kuznetsov I.S. Obshchestvennye nastroyeniya uchenykh v novosibirskom Akademgorodke v seredine 1960-kh godov [Public mood in Novosibirsk Akademgorodok in the middle of 1960s]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Novosibirsk State University Review. Series: History. Philology*, 2008, vol. 7, iss. 1, pp. 245–255.

14. Kuznetsov I.S. Sozdanie novosibirskogo Akademgorodka v kontekste "mobilizatsionnoi modeli" [Creation of Novosibirsk Akademgorodok in the context of the "mobilization model"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Novosibirsk State University Review. Series: History. Philology*, 2011. vol. 10, iss. 10, pp. 86–91.

15. Kuznetsov I.S. *U istokov Akademgorodka: stroitel'stvo goroda nauki v Sibiri (1957–1964)* [At the origins of Akademgorodok: construction of a science city in Siberia (1957–1964)]. Novosibirsk, NSU Publ. House, 2007. 167 p.

16. Liss L.F. Rezhimu nuzhen byl sam fakt protesta... Iz vospominanii L.F. Lissa [The regime needed just a fact of protest... From L.F. Liss' Memories]. *Logos: istoriko-literaturnyi al'manakh – Logos. Historic-Literary Almanac*. Novosibirsk, 1997, iss. 1. *Chronicle of Faculty of Humanities of Novosibirsk State University*, p. 24.

17. Popovskii M. *Upravlyaemaya nauka* [Manipulated science]. London, Overseas Publ. Interchange, 1978. 319 p.

18. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian sociology of 1960s in memoirs and documents]. St. Petersburg, Russian Christian University Publ. House, 1999. 684 p.

19. Vodichev E.G., execut. ed. *Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk. Sozdanie. 1957–1961 gody: sbornik dokumentov* [Russian Academy of sciences. Siberian branch. Creation. 1957–1961]. Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2007. 376 p.
20. Strugatskii A., Strugatskii B. *Skazka o Troike* [Tale of the Troika]. St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2009. 352 p.
21. Conolly V. *Beyond the Urals: economic development in Soviet Asia*. London, Oxford University Press, 1967. 420 p.
22. Josephson P.R. *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton, Princeton University Press, 1997. 351 p.
23. Stuart L.W. *The Cold War and American science. The military-industrial-academic complex at MIT and Stanford*. New York, Columbia University Press, 1993. 332 p.

The article was received on 05.07.2017.

The article was reviewed on 15.08.2017.